

Старик возвращался из магазина со старушкой из соседнего подъезда.

«Интересно, а как ему без меня будет?» — подумала Старуха и решила это проверить. Глаза лихорадочно скользили по 18-квадратной «хрущевке» — искали, куда схорониться. Шаги приближались... В последнюю секунду смекнула — сунула ноги в валенки и прикрылась висящими в коридоре пальто.

Встречала она его обычно у порога — в этот раз ее не было. Старик аукнул, выложил продукты, прошел в кухню. Не найдя ее там, заглянул в комнату, на балкон, в туалет.

— Да куда она запропастилась? — горестно выдохнул он, и живот ее весело заколыхался.

Старик нажал на кнопку телевизора — с расстройства, однако, ничего не виделось и не слышалось, и он заставил замолчать «ящик». Посидел-подождал. Боясь, что не обошлось без «скорой», спустился во двор.

Раззадоренная Старуха шмыгнула ящерицей из укрытия и украдкой стала наблюдать с балкона. Внизу, у подъезда, Старик растерянно пожаловался соседу, что потерял свою «рыбоньку». Ничего не понимая, сосед таращил глаза и пожимал плечами... Старик махнул рукой и от нетерпения поспешил в подъезд.

Слыша, как торопливо-тяжело он поднимался на третий этаж, Старуха нырнула в свой закуток. Встревоженный Старик закрыл дверь и начал названивать детям. Телефоны не отвечали.

— Да куда она, Господи, запропастилась? — уже почти просто-нап он.

Ей так жалко стало его, что захотелось покинуть закуток, но она крепилась: выйдет — в другой раз не поиграет. Старик прошел на балкон и сверху начал выискивать среди прохожих...

Игра теряла смысл...

Старуха вынула из валенок ноги, зашла в кухню и загремела кастрюлями. Старик прислушался, поспешил на знакомые звуки и, как в детской игре «тю-тю», когда взрослые закрывают и открывают руками лицо, обнаружил свою все еще стройную и гладколицую коротышку. Она виновато потянулась к его могучим, родным плечам, и они поцеловались, словно молодые. Старуха гладила серебристую, не по годам красивую голову, убеждала, что никуда не выходила, и он, ощущая тугую шишку седых волос, как ни странно, поверил.

Практиковала она такие игры не часто, но — все же!.. Они веселили ее, вносили разнообразие в их отношения, но теперь Старик не терпелось раскрыть секрет «тайника»...

Не обнаружив Старуху в очередной раз, он улыбнулся и начал искать: обследовал два шифоньера — новый в комнате и старый в коридоре, низ вместительного серванта, заглянул под высокую железную кровать с туго пружинящей сеткой. Безрезультатно обследовал постель. Скребя седой затылок в нескольких от нее сантиметрах, недоумевал: «Странно... Не иголка же!» Слыша это, Старуха едва, как резиновый шарик, не лопнула. Раздумывая, где еще поискать, задержал безразлично-вялый взгляд на валенках под одеждой.

— То ли сквозь стену прошла? — вслух усомнился он, отдернул шубейку и — застыл: с озорством широко раскрытых карих глаз лицо Старухи было необычайно молодым. Зажимая ладонью рот, что переходил в щеки-пузыри, она зашлась колокольчиком, подняла руки, словно сдаваясь в плен, и бросилась ему на шею. Этот голос эхом отозвался в душе и вернул ему на какое-то время молодость.

К восьмидесяти Старуха начала сдавать, особенно беспокоила ее тугоухость: дети раздражались и переходили на крик. Конец этим крикам положила она сама. Во время застолья без видимых переходов как-то вспомнила:

— Не скажешь, Ваня, как звали соседку Кузьмиху?

— Матрена, — негромко ответил он, стоя к ней спиной.

— А лет ей сколько было, когда утонула?

— По-моему, семьдесят.

— Выходит, моложе нас была, а мне такой древней казалась!

Дети переглянулись — может, мать притворяется, что не слышит?

— Привыкла. Не только артикуляцию губ, даже тембр голоса различает, — тихо рассудил один из зятьев.

— Точно, когда вы кричите, я еще больше глохну.

В восемьдесят пять она перестала выходить на улицу, и Старику не только приходилось закупать продукты, но и помогать в уборке, приготовлении еды и стирке. Иногда он задерживался. Тогда Старухе казалось, что если через минуту-другую он не придет, она окочурится. Однажды и впрямь едва не померла — ожила, как только услышала за дверью знакомые шаги.

По ее подсказкам и под ее присмотром еду готовил теперь Старик. Она вытирала пыль, сортировала белье и бросала его в машинку с ручным отжимом, он крутил ручку, полоскал белье и вывешивал его на балкон. Сидя за гладильной доской, Старуха все выглаживала — любила, чтоб вещи были, как магазинные, без единой морщинки.

Однажды зашла к ним старшая дочь, и между стариками само собою возник разговор о смерти.

— Что будем делать, — спросила дочь, — если мать помрет?

— Не помрет она.

— Как это?

— Я не дам.

— И все же?

— Сказал — не помрет! — раздраженно крикнул Старик. — Сначала помру я.

— Будто знаешь.

— Знаю! Пока живу я, она не помрет. А после — что ж, пусть уходит.

— Мистика, — протянула дочь.

К девяноста Старуха совсем слегла — он поднимал и кормил ее, поил настоем разных трав, заставлял двигаться. Заехали к ним как-то сыновья. Вид измученного и уставшего отца обеспокоил их, и старший вызвал для матери «скорую»:

— Пока она в больнице оклемается, отдохнешь.

Без Старухи ему лучше не стало, он загрустил на второй уже день. Дочь ворчала:

— Другой порадовался бы, отдохнул... На вот, пирожки — поешь.

— Не хочу — аппетита нет.

— С таким настроем ты раньше нее ноги протянешь.

— Ну и ладно! Кому и зачем я — словом обмолвиться не с кем.

— Возьми себя в руки — ты нам здоровым нужен! Завтра опять забегу, пока...

Недели через две сын привез мать, и Старики, будто из вечности, рванулись друг к другу:

— Манечка!

— Ванечка!

Словно боясь, что материальное превратится в мираж, обнимались, отстранялись, молча разглядывались и снова обнимались. Их ожившие и оттого помолодевшие, несмотря на слезы, глаза выдавали такую любовь-привязанность, что по телу сына пробежала трогательная волна.

В марте исполнялось им два века на двоих. Незадолго до юби-

лея Старик попал в больницу. Дети не отходили от матери, жившей в ожидании. Она дождалась...

Глядя, с каким усилием санитары вносили гроб с остывшим телом, размышляла, что он отпустил ее, чтобы встретиться в другом мире и никогда больше не разлучаться.

Вкус и волю к земной жизни она черпала теперь в воспоминаниях. Их будильник — игра в прятки, проработал недолго. Один всего месяц.